

АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ
Опережая
некролог

18+

Александр Ширвиндт
Опережая некролог

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 792.07(47)+791.43(47)+929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8+85.373(2)6-8

Ширвиндт А. А.

Опережая некролог / А. А. Ширвиндт — «Азбука-Аттикус»,
2019

ISBN 978-5-389-18422-0

Я хочу, чтобы меня запомнили тем, кем я был, и настолько, насколько
заслужил. (Александр Ширвиндт) Внимание! Содержит ненормативную
лексику!

УДК 792.07(47)+791.43(47)+929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8+85.373(2)6-8

ISBN 978-5-389-18422-0

© Ширвиндт А. А., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Я о себе	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Ширвиндт

Опережая некролог

© Ширвиндт А.А., текст, 2020

© Трифонов А.Ю., дизайн, 2020

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

КоЛибри®

* * *

На 86-м году жизни после тяжелого и продолжительного раздумья принял решение уйти с поста художественного руководителя Московского академического театра сатиры Александр Анатольевич Ширвиндт. Он родился в Москве 19 июля 1934 года. Проведя 10 лет в борьбе со средним образованием, он, несмотря на сопротивление родителей, проник в Театральное училище имени Щукина, которое окончил в 1956 году, как ни странно, с красным дипломом. После этого, вы будете смеяться, 11 лет Ширвиндт проработал в Театре имени Ленинского комсомола, где сыграл три десятка ролей, в том числе, по мнению спохватившихся критиков, несколько удачных. Были даже случаи счастливой творческой жизни с 1963 по 1967 год под руководством Анатолия Эфроса. Этого не могли пережить начальники из ЦК комсомола, потому что это счастье не совпадало с представлениями о комсомольском счастье. И тогда бывшие счастливицы недлинной вереницей поили за Синей птицей в Театр на Малой Бронной. Вереница была действительно недлинной, а птица в лице Анатолия Эфроса была на самом деле посиневшей от переживаний. Потом возник Театр сатиры. Транзит «Театр имени Ленинского комсомола – Театр сатиры» был недолгим, и в 1970 году Ширвиндт обосновался на площади Маяковского. Он работал актером, режиссером, автором и 20 лет назад заступил на пост художественного руководителя театра. Единственное, от чего он, пожалуй, в эти 50 лет увернулся, – от руководства пожарной охраной.

Трудно переоценить тот вклад, который Ширвиндт внес в историю...

Это было вступление или, скорее, предисловие. Нет, все-таки вступление. Возникает естественный вопрос: а зачем оно вообще? Ну, наверное, без вступления нельзя. А раз так, то читатель должен знать, во что он вступает. Поэтому прежде всего необходима яркая картина значимости автора.

Но, честно говоря, вступление-предисловие – «жанр» подозрительный. В нем либо архизнаменитая личность, рекламируя автора, снисходительно поглаживает его по головке, либо какой-нибудь незыблемый авторитет популярно объясняет недалекому читателю содержание произведения.

Саму книгу просто так, например, со слов: «Как-то, помню, я ехал домой...» – мне кажется, начинать не стоит. Обязательно должен быть эпиграф. Допустим, автором придумывается фраза: «Быть, чтобы не забыли». И подписывается: «Ранний Гельвецкий». Очевидно, сочинителю ближе ранний Гельвецкий, поздний его раздражает. А без эпиграфа из Монтеня вообще стыдно появляться в литературе.

Очень завидую людям, у которых биография соткана из того, что помнишь. Тогда получается внятная картина: зачем и как жил. А если нет, то либо документально сдобренная фантазия, либо никому не нужная якобы правда. Спросить не у кого, поскольку оставшиеся

старожиды ничего не помнят. Приходится врать самому. Соврал – ощущение, что вспомнил. Другой врун «вспомнил» противоположное – возникает диспут. Этаким круглый стол с острыми углами. «Ваш покорный слуга» – как я люблю это выражение – отдает рыцарством и дуэлями. Или «пишущий эти строки» – тоже красиво, правда, пахнет анонимкой.

Когда мне стукнуло 85, я подумал, что это вполне серьезная цифра, чтобы себя сформулировать. Не получается. Мешают трусость и инфантильность. Трусость закрывает глаза на количество вин (не выпитых вин, что тоже можно инкриминировать, а совершенных за этот немалый срок проступков), а инфантильность бросает в слезливое оправдание моральных и физических преступлений, совершенных в борьбе с действительностью.

На очередной диспансеризации у меня обнаружили синусовую брадикардию. В переводе на общедоступный – перебои. Вероятно, от сердца эти симптомы поползли по организму, и возникла мерцающая аритмия мысли.

Раньше я, бросаясь в графоманию, считал: не надо замахиваться на монументальные мемуары со скромнейшими разделами «Я о себе» и «Они обо мне, а я о них». Теперь подумал: а почему бы и нет? Пусть еще одна книжонка рухнет в залежи литературных запасников.

Да, еще. Сноски. Наступает такой период биографии, когда сноски становятся значимее содержания. Поэтому в этой книжке я передвигаю их из-за черты оседлости внизу страницы наверх, к полноправному тексту.

Вот, пожалуй, и все. Нет, не все. Чуть не забыл: мнение автора может не совпадать с мнением редакции, или мнение редакции может не совпадать с мнением автора. Это стыдливо-трусливо-цензурная уловка. Конечно, нужны варианты: мнение автора может и совпадать с мнением редакции, мнение автора не может не совпадать с мнением редакции и мнение автора не может совпадать с мнением редакции.

Я о себе

Сейчас постановили, что нужно очень внимательно относиться к людям предпенсионного возраста. Это прекрасная находка. Можно, например, при достижении предпенсионного возраста начать переучиваться на другую профессию. И государство в этом поможет. Предположим, если ты всю жизнь занимался макраме, то в 60 лет логично осваивать лесоповал, чтобы к 85-ти где-то в районе Иркутска стать успешным китайским лесопромышленником. Такая неожиданная забота о стариках – или следствие полной неуверенности в молодежи, или хитрый ход для убыстрения вымирания, так как обычно, если мы что-то начинаем беречь, то это накрывается быстрее всего.

Мой ребенок Миша возил меня как-то к одному врачу в Германию. Доктор отказался смотреть московские бумажки, только спросил меня: «На что вы жалуетесь?» Я честно признался, что жалуясь на 19 июля 1934 года.

85 лет – дата, конечно, внушительная, но возраст – это не величина цифры, а состояние духа. У Бунина в повести «Деревня» есть щемящее определение: «это был старозаветный мужик, ошалевший от долголетия».

Не стареют душой ветераны. А тело? Может, кто-то помнит, что в наших аэропортах раньше были жуткие накопители: минут за сорок до отлета самолета пассажиров накапливали в каком-то предбаннике, в тесноте и духоте. Дома ветеранов сцены – как накопители перед выходом на небеса.

Александр Кушнер когда-то заметил: «Времена не выбирают, / В них живут и умирают». Умирать стали очень дисциплинированно, с жизнью сложнее.

Лет двадцать подряд я отдыхаю на Валдае – тупо сижу с удочкой. Саша Абдулов и Андрюша Макаревич на окраине Валдая построили дома. Когда Абдулов при всей своей занятости вырывался туда, там стоял дым столбом. Как-то звонит он мне полпервого ночи: «Дядя Шур, Андрюшка приехал, ребята собрались, давайте к нам». Я начинаю кобениться: «Саша, уже ночь, я старый. В следующий раз обязательно». И не оторвал задницу, не поехал. Сашку я больше не видел. Когда куда-то зовут, надо сразу лететь, а то есть риск больше никогда не увидиться.

Устраивали как-то вечер памяти Элика Рязанова в Концертном зале имени Чайковского. Через три дня там же – вечер памяти Булата Окуджавы. Не прошло и недели – презентация книги о Михаиле Козакове. В Доме актера – вечер воспоминаний о Сереже Юрском. И я везде выхожу на сцену – становлюсь единственным случайно дожившим и превращаюсь в атрибут ритуальных услуг.

Телеканалы, газеты, журналы бешеной скороговоркой соболезнают родным, коллективу и Родине в связи с очередной значимой потерей. Некогда пролить искреннюю слезу, слишком много действительно важных событий в мире, чтобы остановиться на единичной утрате. Даже минута молчания сегодня – условно-протокольный пункт вынужденной задержки бытия. Погрустили коротко и побежали дальше. Сейчас вынос тела совмещен с назначением на должность этого тела. Но, если взглянуть на эту проблему без лишнего максимализма, думаю, что некоторая «недовариваемость» скорби оправдывается сегодняшним затовариванием погоста.

Несколько лет назад 13 – я посчитал – художественных руководителей московских театров находились в возрасте от 80 до 90 лет. Великая дама советского и постсоветского вре-

моя препровождения на этой Земле (пишу это с полной ответственностью) Галина Борисовна Волчек сказала как-то на встрече с артистами, что необходимо в силу возраста подыскать для наших кабинетов сиделок. Тем самым даже она признала наличие заболевания.

У меня когда-то была «Победа», которая за 22 года прошла, наверное, 850 тысяч километров. Живого места на ней не оставалось. Но она продолжала верно служить. А когда она, извиняясь, отказала в езде и я понял, что пришло время ее продавать, я призвал опытного друга-гаишника, который тогда руководил конторой по скручиванию километража со спидометров старых автомобилей. Он без анестезии скрутил с моей ржавой подруги почти весь километраж, и я нахально продал ее как девственницу другому инспектору ГАИ, который выложил за нее какие-то символические деньги из сострадания и любви ко мне, даже не взглянув на спидометр, а лишь походя сказав, что подпольная контора по сматыванию километража – его дочернее предприятие. Это автомобильное воспоминание возникло в связи со старостью худрукского корпуса. Но, к сожалению, у худруков года не скрутишь.

Возможно, скоро сбудется зыбкая мечта театральных директоров, и атавизм «художественный руководитель» отпадет от тела театра. Будет идеально совмещенная в одном лице фигура «худрук-директор» – чтобы не ревновать друг друга к полномочиям, а редко ссориться с самим собой. И на пепелище русско-советского репертуарного театра возникнут огромные монстры-кластеры – дискотека-фитнес-боулинг-кабак-бардак, а для обозначения театральных традиций посреди всего этого – подвешенная за жопу Васса Железнова. Но тогда новым хозяевам театров кроме рекламы «Виагры» придется прочесть, как минимум, «Грозу» или, что логичнее в данной ситуации, «Вишневый сад».

Что делать? Мудрый Володя Андреев решил и ушел от художественного руководства Театром имени Ермоловой, порекомендовав на эту должность Олега Меньшикова. Но Меньшиков – его ученик и театральный актер. Таких – по пальцам пересчитать. Володю сразу же сделали президентом театра. Потом появился еще один президент – президент в изгнании – Татьяна Доронина. Это антиконституционно! Президент – должность выборная, его нельзя назначать. Если я в списке, так сказать, очередник, то я категорически отказываюсь баллотироваться на этот пост. Я могу предложить себя, например, на пост председателя совета сада «Аквариум» или премьер-министра подземного перехода под Триумфальной площадью. Возможны варианты.

В театральном мире нет скамейки запасных. Я радуюсь, когда появляются яркие ребята типа Жени Писарева или Володи Машкова. Но это скорее исключение из правил. В том же МХАТе имени Горького худруком назначили человека с апробировано-скандальной биографией. Подмена лидера кадровой необходимостью... А в эпоху карьерно-кадрового беспредела общественное мнение бессмысленно.

Потрясающая по эпатажу, смелости и таланту пара проводит первую брачную ночь внутри катафалка и на нем же въезжает руководить многострадальным Театром на Малой Бронной. Символично и перспективно. Все время ловлю себя на том, что произвожу брюзжание. А потом успокаиваюсь – это старческое.

В Спарте со слезами и воплями сбрасывали пятидесятилетних стариков со скалы, чтобы не болтались под ногами грядущих граждан. В советское время сбрасывание со скалы гуманно заменяли торжественно-коллективными проводами на пенсию. Уходящим говорили сладкие слова, дарили помесь букета с венком, хрустальную вазочку или жостовский поднос и худень-

кий конвертик с неконвертируемой валютой. Так же торжественно вручали пожизненный пропуск на родное производство, который охранник отнимал у виновника торжества при выходе с собрания.

Сегодня законодательно пуганули работодателей штрафами до 200 000 рублей за попытку травли предпенсионного гражданина. Правда, не расшифровали, кому пойдут эти деньги – жертве гонений или, как обычно, государству.

Как метко заметил Грибоедов (он вообще многое заметил метко), «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

4 декабря 2012 года я получил предупреждение об увольнении.*

* Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы

Художественному руководителю Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Московский академический театр сатиры» А.А. Ширвиндту

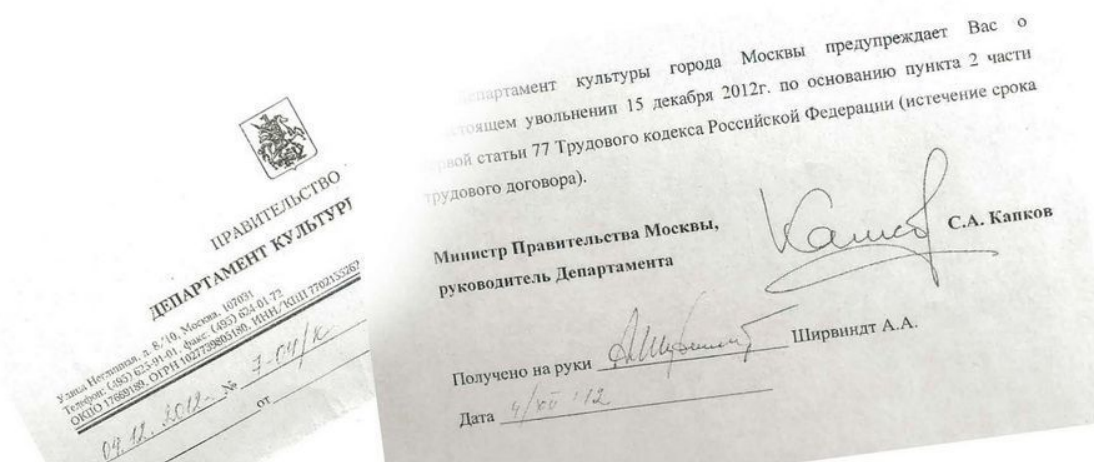
Предупреждение

об увольнении с должности художественного руководителя Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Московский академический театр сатиры» в связи с истечением срока трудового договора.

Департамент культуры города Москвы предупреждает Вас о предстоящем увольнении 15 декабря 2012 г. по основании пункта 2 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации (истечение срока трудового договора).

Министр Правительства Москвы,
руководитель департамента С.А. Капков
Архив Театра сатиры

Ни спасибо, ни до свидания. Уволить «в связи с истечением срока...». Мне говорят: такая форма уведомления. Не знаю, какую форму носил наш молодой начальник москультуры, я видел его в штатском.

Брызжа слюной и хамством, различные ораторы с высоких трибун призывают друг друга к корректности (вежливость, учтивость – см. словарь). «... По основанию пункта 2 части первой статьи 77...» Попахивает приговором. «Истечение срока» – да, сроки проживания худруков московских театров критические.

Патриотизм – дело суммарное. Многовековая русская театральная культура – значительная часть его. Робкие ростки патриотизма пробиваются иногда в нашу действительность, когда, например, некоторые начальники предлагают пересечь с иномарок на отечественные «бронетранспортеры». Но это крохи. Мы строим гражданское общество. Этот долгострой будет длиться вечно, пока в фундамент сооружения будет заливаться жидкий поток болтовни.

Прошло семь лет. Во время «истечения срока» этого договора сменились начальники. Видимо, очередной раз изменилась концепция, и я, несмотря на предупреждение об увольнении, продолжал занимать свой пост. И правильно. Я еще очень свежий. Я на 10 лет моложе Театра сатиры, которому исполнилось 95.

Когда Валентин Николаевич Плучек сделался физически слаб (я это сейчас понимаю как никто), то остро встал вопрос о кандидатуре худрука. Мои коллеги, так называемый худсовет – они же друзья, в стоворе с тогдашними московскими вице-мэром Людмилой Швецовою и председателем Комитета по культуре Игорем Бугаевым уговорили меня ненадолго, пока не подберут что-нибудь настоящее, занять эту должность. Потом стопроцентный худрук Римас Туминас неоднократно при встречах напоминал мне мою фразу, что я согласился ненадолго, «а то, не дай бог, пришлют что-нибудь из Прибалтики». Действительно в театральной жизни Москвы – огромный урожай прибалтийской режиссуры. Туминас был назначен в Театр имени Вахтангова, который под его началом вновь приобрел событийные премьеры.

Это «ненадолго» длится два десятка лет. В конце каждого сезона я порывался уйти на вольные хлеба. Но меня останавливали пресловутая щепетильность, привязанность к долголетнему месту службы и уговоры коллег-друзей. Иногда зашкаливало, и думал: «Ну всё! Завтра же». В один из таких моментов зашкаливания я зашел после спектакля «Как пришить старушку» в гримерную Оли Аросевоу, где она по традиции поила состав исполнителей своей клюковкой со своей же капустой. Войдя не в лучшем настроении и выпив клюковки, я сказал:

«Ребята, всё! Олечка, дорогая, извини, я кончаю с худрукством». Аросева согласилась: «Договорились. Но после моей смерти». На что я искрометно ответил: «Хорошо, только ты с этим не тяни». Оли не стало, а я продолжал тянуть.

Врешь самому себе, что пора завязать со всем и всеми и – в родной очаг: огород, внуки, слезы умиления, благодать. Два-три дня – сроки этой вынужденной идиллии. Потом опять тянет на «место преступления».

Все в жизни – случай. В лучшем случае – случай, помноженный на упертость. В моем случае моя упертость началась в 1952 году, когда я поступил в Театральное училище имени Щукина.

Среди сокурсников еще были фронтовики, которых принимали почти без экзаменов. В их числе – Мишка Шайфутдинов. Он как пришел в гимнастерке, так в ней и выпускался. Он был прекрасный артист, но общеобразовательные предметы давались ему нелегко. Легендарному Борису Симолину он сдавал историю изобразительного искусства. Тот спросил его: «Что вам досталось?» Он ответил: «Джорджопе». «Кто?» – осторожно переспросил Симолин. «Джорджопе», – уверенно повторил Мишка. Он видит, что Симолин ему не верит, и тогда достает из кармана гимнастерки шпаргалку, в которой буква «н» смахивает на «п». Борис Николаевич соглашается: «Да, действительно». И ставит зачет. С этой «Джорджопой» Мишка окончил театральное училище, что не помешало ему в дальнейшем играть Ленина.

Руководителем нашего курса была Вера Константиновна Львова, которая все время находилась в состоянии максимальной эмоции. После окончания училища, когда мы стали уже коллегами и друзьями, я спросил ее, как она выдерживает такой накал страсти. На что она ответила: «Шурочка, ты молодой педагог. Запомни на будущее: никогда не опускай эмоции ниже подбородка». Она просто не затрачивалась. Это была чистая техника. Она не затрачивалась, но занималась нами круглосуточно.

Таким же уникальным педагогом был и Юрий Васильевич Катин-Ярцев. Как-то я пришел к Юре домой. На полу его маленькой квартирке лежали листы ватмана, на которых, как генеалогическое древо, был нарисован его курс и от каждой физиономии шли стрелки – графики передвижения студентов от этюда к этюду, от образа к образу, от роли к роли. И он пытался понять, что из этой шпаны получится сделать.

Учитывая размеры окладов в наших вузах, можно заниматься педагогикой, только если это страсть. Во мне она – 64 года. В институте иногда вывешивают на стене какие-то вехи. Недавно вспоминали, что больше полувека назад я поставил дипломный спектакль – водевиль Лабиша «Фризетт» с Аллой Демидовой и Алексеем Кузнецовым. Всегда горжусь своим преподавательским новаторством: этот французский водевиль они играли на русском языке, а когда становились естественными и заводились, то переходили на родной французский.

Во все времена театральные институты стояли с протянутой рукой. История со спонсацией искусства дошла до абсурда. Когда это только начиналось, была какая-то милая честность: я тебе деньги, а ты мне при помощи своего лица освобождение от акцизов на портвейн. Так возникло много содружеств искусства и труда. Фамилии называть не хочется, но это было почти откровенно. Потом настал кризис, ввели санкции. У всех олигархов, спонсоров и псевдомеценатов появилась отговорка. Когда к ним приходят и просят на фильм, спектакль или каток, они говорят: «Господи, ну конечно, но не сейчас. Сейчас просто какой-то ужас. У меня

было семь миллиардов, а после всех этих событий еле-еле набирается четыре с половиной». И просящий, живущий на зарплату, должен делать скорбное лицо и сочувственно кивать.

Всякие сердечные телодвижения без карьерно-денежной перспективы воспринимаются как слабоумие. Но некоторое возрождение традиций российского меценатства все-таки случается. У меня долгая, 25-летняя, история взаимоотношений с моим теперь уже другом Игорем Лысенко, руководителем большого концерна «Роза мира». Эти ребята появились из глубокой Сибири, им было под 30. Игорь когда-то случайно забрел в Театральное училище имени Щукина, где мы и познакомились. Я как раз набирал коммерческий курс. Система была наивно-простой: ребенок поступает на бюджетное отделение и доходит, предположим, до 3-го тура, но до конкурса не дотягивает. После чего родителям предлагают поступить, но за деньги. Так вот, Игорь Борисович решил опекать мой курс. Оформление дипломных спектаклей – костюмы, приглашенные музыканты и художники – хоть и на минимальном уровне училища, все равно это деньги. И все равно их никогда нет. Счета отдавали Игорю. Типа: «Колготки женские – 2 штуки, водолазка мужская – 5 штук, сервиз глиняный на шесть персон – 1 штука». А сегодня Лысенко регулярно и традиционно вручает личную премию ведущим артистам Театра сатиры и при этом ни разу не попросил в ответ ни рекламы, ни своих портретов на обложках буклетов и на афишах. 25-летие этих взаимоотношений мы обязательно отметим. Мечтаю сделать это за свой счет.

В детстве я был влюблен в актрису Лидию Смирнову. Вместо школы ходил утром к Театру-студии киноактера и ждал, когда она пройдет мимо. На цветы денег не было, я ждал ее с открытками. Тогда карточки с изображением известных актеров продавали пучками, как укроп. Года через два моих мучений я рискнул и подошел к ней. И она подписала мне открыточку. Много позже, когда я сам стал вроде артистом, она была уже старенькая, мы жили в одном доме на Котельнической набережной, даже наши машины стояли рядом в гараже. И я уже не подписывал открыточки у Лидии Николаевны. Когда в Доме кино устраивали какие-то посиделки, в фойе стояли столики, и актриса Марина Ладынина, которая тоже жила в нашем доме, через весь зал кричала: «Лидя, не упusti Шуру!» То есть чтобы я отвез их домой.

Что-то перестали делать индивидуальностей, их больше не производят. А те, что были, уходят. Ушла Галя Волчек. Кем была Галочка? Триптих ее существа: талант, мудрость и смелость. Причем все это не теория, а поступки. Я помню ее в спектакле «Кто боится Вирджинии Вульф?». По филигранности актерского мастерства, по мощи, разнообразию приспособлений я могу сравнить эту работу только с игрой Фаины Раневской в спектакле «Дальше – тишина». Но она порушила свою актерскую биографию ради строительства «Современника». Она вообще была антитусовщица, хотя отнюдь не была затворницей. Модная, веселая, компанейская. Она знала про эту страну все. Тонко сопротивляясь и где-то мудро приспособливаясь, всегда добивалась своего. Однажды даже посидела в Думе, но сразу поняла, что ее думы о другом, и с этой Думой завязала. «Невосполнимая утрата», «всегда будем помнить»... Слова, слова, слова... А утрата действительно невосполнимая. Кончается эпоха. Уходит поколение, отборочно классифицируемое как легенды, и винить здесь некого, кроме Боженьки.

Любимая Галочка

В связи со старостью и спонтанной бессонницей иногда в районе двух часов ночи включаю телевизор. И там, как оказалось, с двух часов до без четверти пять идут нормальные передачи, в основном ретро. Я наткнулся на повторение цикла передач, которые мы с Львом Лосевым делали в гостиной Центрального дома актера. Назывались они «Театральные встречи. В гостях у...» и были очень мощными по составу. Когда сейчас я посмотрел одну из них – «Ленинградцы в гостях у москвичей», то обнаружил, что, кроме меня, Олега Басилашвили и Алисы Фрейндлих, нет ни одного ныне живущего человека. Это довольно страшная экспозиция. Особенно в три часа ночи. Ощущение полусклепа, полубессмертия. Я смотрел и думал о том, что все разговоры о театральной реформе – лабуда. Ведь дело не в том, что ставить или какие возникают молодежные тенденции режиссуры. Просто была совсем другая система пребывания в профессии. Почему я об этом вспоминаю в связи со своим ночным телепросмотром? Сидят Юрий Толубеев и Василий Меркурьев на стульях и играют в своих скромненьких костюмчиках отрывок из гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Иван Иванович (Меркурьев) вынимает условный кисет и гениально-реалистично в течение трех-четырех минут пытается сначала внедрить табак в ноздрю, а потом чихнуть. И ему это не удастся. Во время этой замечательной процедуры на него любовно смотрит Иван Никифорович (Толубеев) и ему сострадает. Актерское сливочное масло! Какие были глыбы и куда все прикатилось – к мышцам, полуголым бабам и мужикам и к режиссуре, которая берет любое произведение классики только для того, чтобы от автора не осталось и следа. И чем дальше и нахальнее от него, тем победоноснее результат. Вот какие грустные ночные мысли меня посетили.

Кстати, о Доме актера. Так называемая клубная жизнь Москвы середины прошлого века, как и сама Москва, может быть сегодня только в воспоминаниях. Дом актера, Дом архитектора, Дом кино, Дом журналиста, Дом литераторов, Центральный дом работников искусств были форпостами досуга интеллигенции. Вся московская «богема» каждый вечер после основной работы мчалась в свои ведомственные дома, мечтая получить уютный прием, веселые капуст-

ники, дружеское застолье. И получала. Все это благополучно погибло. Например, в Доме актера – со смертью его директора Маргариты Эскиной и под напором селфизации всей страны. Но, правда, какая-то надежда появилась в связи с открытием в декабре 2019 года отреставрированного большого зала Дома актера. По этому поводу даже сняли видеоприветствие с Красной площади, в котором вместо, очевидно, занятого президента России к собравшимся в Доме актера обратился я: «Дорогие россияне и примкнувшие к ним члены СТД! Кончился год Свиньи, логично провозглашенный Годом театра. Информационный стриптиз наших СМИ и оголтелость пошлости достигли апогея. Телевизионная секс-дискуссия старых актрис, соревнующихся между собой за места в ретрорейтинге половых связей с умершими знаменитостями, приобретает оттенок стихийного бедствия. Наступает год Крысы, он же Год памяти и славы. С памятью у всех что-то стало. У меня лично – стойкий склероз, рассеянный по жизни. Что касается славы, кроме Славы Зайцева ничего не могу вспомнить путного. Кстати, о Путине. Владимир Владимирович на большой пресс-конференции намекнул, что метеокатаклизмы в мире, возможно, вызваны наклоном оси Земли. Ось актерской жизни всегда проходила через Дом актера, через этот прекрасно возрожденный зал. Пусть эта ось не станет шампуром для шашлыков, а на нее будет нанизана только любовь и еще что-нибудь духовное. Как крупный советский художник я привык кончать лозунгами. Разрешите кончить ими и сегодня. “Нынешнее поколение артистов будет жить... (с кем, когда и зачем, впишем потом)”, “Пусть иногда будет солнце!”, “Пусть конец Года театра не совпадет с концом света!”, “Под знаменем Маргоши, под водительством Золотовицкого и Жигалкина, при режиссуре тезки президента Владимира Владимировича Иванова – вперед, к новым победам бессмертной Люсенки Черновской!”»

Лиля Брик, Андрей Миронов, я, Валентин Плучек, Спартак Мишулин, муж Лили Брик Василий Катанян и моя супруга Наталия Николаевна в 1977 году в Центральном доме работников искусств

Но это местечково-местные радости. Дом актера – это актерский бункер. А существовать надо для зрителя, а не для коллег. Вообще «зрители» – понятие емкое. Истинных театралов

среди них – единицы. При этом, когда смотришь на сгусток театралов, думаешь, нет уж, лучше с улицы. Рядовой зритель непосредственный, он идет в театр с надеждой. С надеждой на автора, режиссера, любимых актеров.

По старинному театральному регламенту, если в зале 15 зрителей, надо играть спектакль. Если 14, можно не играть. Помню гастроли в Кисловодске тысячу лет назад. Жара, курортный театр. Видим: в зале – 13 человек. Думаем: ой, отмена спектакля, можно по кабакам. Вдруг входит семья – три человека. И мы начинаем играть.

Артисты на 95 процентов состоят из эмоций, остальное – мозги и знания. И когда эти 95 процентов помножены на 90 человек, можно сойти с ума. Как держать в страхе банду из 90 актеров, не говоря уже о цехах? У меня в кабинете висит секира, чтобы боялись. Но она маленькая, могу отсечь только крайнюю плоть. Очень крайнюю. Как-то меня спросили, строгий ли я руководитель, я ответил: «Очень строгий, резкий и сонливый».

Когда я просыпаюсь, то понимаю, что театр – учреждение трагическое. Масса цехов. Их надо обойти, знать, как там кого зовут, и походя обласкать. Например, реквизиторский цех. Здесь работают мастера, которые превращают кусок хлеба в индейку, а газировку во французское шампанское, стреляющее пробкой в потолок. Их задача – сохранить для следующей постановки продукт, съеденный на предыдущем спектакле. В костюмерном цехе одевальщицы всегда в запарке: у одного артиста нет шнурка, у другого порвалась рубашка, у третьего пропали брюки. Они должны иметь высокий интеллектуальный уровень, чтобы не надеть камзол Фигаро на Карлсона. Такое в нашей практике случалось. Но все-таки основная задача костюмеров – не в том, чтобы правильно одеть артиста. Главное – проследить, чтобы он не ушел домой в служебных носках.

В Театре сатиры: я, Михаил Державин, Валентин Плучек, Мамед Агаев, Вера Васильева, Ольга Аросева, Спартак Мишулин

Когда я работал в Театре имени Ленинского комсомола, у нас один спектакль был выездной – во МХАТе. Нам сказали: «Вам так повезло – там служебный буфет, какого нет нигде. Обязательно посетите». Моя любимая костюмерша Анечка спрашивает: «Александр Анатольевич, а про буфет верно говорят?» Я заверил ее, что все правда. «Хорошо, – сказала она, – тогда я после переодевания сразу туда пойду». Отыграли мы спектакль во МХАТе, снова работаем на стационаре, ее нет. Спрашиваю, где Анечка. «Приболела», – говорят. Через некоторое время появляется – белого цвета. Проходит ко мне в гримерную, закрывает за собой дверь. «Александр Анатольевич, вы в мхатовском буфете были?» «Нет», – отвечаю. «Там лежал винегрет (у нас лучше) и селедка (я селедку люблю) – такая, знаете, с поднятыми концами. Я говорю: “У вас же винегрет с селедкой несвежие”. Буфетчица отвечает: “Ну, несвежие”. Я возмутилась: “Как же вы продаете несвежие?!” Она: “Так и продаем”. “Ну дайте”, – говорю. Александр Анатольевич, меня так р-р-р-рвало! Вы даже не представляете, как меня р-р-р-рвало. Мхатовский буфет!»

Буфет в Театре сатиры некоторое время назад обновился и преобразился. Мы с моим любимым директором театра Мамедом Агаевым ожесточенно спорили о названии заведения. Дебатировались варианты: «Лигнин» (это мягкая бумага для снятия грима), «Уже без грима», «Послевкусие», «Закулисье»... Победило название – «Застольный период». Есть такое понятие в театре – когда артисты, сидя за столом, разбирают пьесу. Меню тоже модернизировано. Незыблемыми остались сырники – вечный питательный монумент общепитовской изжоге.

На сбор труппы, открытие 96-го сезона, я принес огромную тыкву и сказал: «У меня в огороде – один укроп и вот это. Ничего больше не выросло. Передаю тыкву в служебный буфет: любите меня под пшенку, главное – не обосритесь в новом сезоне».

63 раза я участвовал в сборе труппы. Человек покорил космос, появились смартфоны, все меняется, и лишь сбор труппы со времен Нерона и Щепкина – один в один. Как-то смотрел при выключенном звуке репортаж со сбора труппы какого-то театра. Мизансцена – вековая. Перед труппой – новый худрук, глаза горят, очки либо на лбу, либо на подбородке (это подчеркивает индивидуальность), и – пламенная речь. Потом показывают труппу. Молодежь и еще надеющиеся на что-то артисты вожделенно смотрят на нового худрука, всем своим видом показывая готовность к экспериментам. Мрачное среднее поколение понимает, что это – очередная ерунда. И есть еще в мизансцене несколько вкраплений – звезды или медийные лица, которые забежали в перерыве между съемками сериалов, посматривают на часы, но вынуждены сидеть и слушать эту бодягу. Завершается все одинаково: грамоты и цветочки для тех, кто родился, скорбь по тем, кто ушел, представление новых артистов и – свежие распоряжения вышестоящего начальства. Приведу пример такого распоряжения.*

* Руководителям театров и концертных
организаций, подведомственных
Департаменту культуры города Москвы

В соответствии с поручением Департамента культуры города Москвы № 01-09-8363/6 от 15 сентября 2016 г. доводим до Вашего сведения, что Департамент транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы организует акцию «На работу на велосипеде», которая пройдет с 19 по 24 сентября 2016 г. Акция направлена на развитие велосипедной инфраструктуры города Москвы.

Акция проходит с утра до вечера у каждого в своем рабочем режиме (в зависимости от режима работы учреждений) в течение недели...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.